

С.А. Фомичев

Молчалин

Биография Молчалина в комедии намечена достаточно отчетливо: выбившийся из провинции благодаря протекции московского барина («И будь не я — коптел бы ты в Гверри»), числящийся по Московскому архиву, но умело обслуживающий «управляющего казенным местом» Фамусова, деловой (то есть искусный в приказных делах) чиновник, уже достигший «степеней известных», три награждения получивший, неуклонно и успешно следующий завету своего отца: «Во-первых, угождать всем людям без изъятия» — но прежде всего: «Хозяину, где доведется жить...». Обычно строки эти сопоставляют с описанием просителей в «Житии Федора Васильевича Ушакова»:

«Большая часть просителей думают, и нередко справедливо, что для достижения своей цели нужна приязнь всех тех, кто хотя мизинцем до дела их касается; и для того употребляют ласки, лесть, ласкательство, дары, угождения и все, что вздумать можно, не только к самому тому, от кого исполнение просьбы их зависит, но и ко всем его приближенным, как-то: к секретарю его, к секретарю его секретаря, если у него оный есть, к писцам, сторожам, лакеям, любовницам, и если собака тут случится, и ту погладить не пропустят».

Образ этот встречался и в современной Гривоедову журналистике:

«Князь. Послушай, любезный Нулиев: мне хочется сделать тебе один вопрос. Здесь церемонии не нужны; скажи мне откровенно, каким способом тебе удалось на том свете из ничего сделаться чем-нибудь?»

Нулиев. Весьма легким. — Я не имел никакой природной гордости. При первом появлении моем на свет я принялся ласкать, подличать и таким образом полз да полз и наконец дополз не до чина знатного человека, но до позволения бывать в хороших обществах, оказывать всякого рода услуги своим покровительницам, переносить вести и составлять иногда партию в бостон. Мужья, для коих я казался нимало не опасным, ласкали меня из угождения своим супругам, жены любили меня по привычке. Я сделался для них так же необходим, как спальные собачки, попугаи и прочие домашние звери» (*3-агоскин* М. *Разговор в царстве мертвых*).

И все же тип Молчалина открыт только в «Горе от ума», где сатирическое изображение лицемера, преуспевающего в эпоху аракчеевской реакции (ср. девиз, начертанный на гербе Аракчеева: «Без лести предан»), неотделимо от анализа социальных условий, породивших подобный характер. Молчалин — тип беспринципного российского чиновника, готового без рассуждений выполнять все предписания начальства, но никогда не забывающего притом о своих выгодах. Он очень предусмотрителен, и даже на ночное свиданье с Софьей приходит с папкой деловых бумаг. В комедии «Горе от ума» Молчалин поставлен в крайне сложное, бесконечно тяготящее его положение. К нему вспылала страстью дочь хозяина, и он вынужден подыгрывать ей, чтобы не быть отлученным от выгодного места, обеспечивающего необходимые для дальнейшей карьеры связи (даже с самой Татьяной Юрьевной!). В традиционной комедии интриги это была бы роль «второго любовника», безрезультатно добивающегося своим пронырством выгодной женитьбы. У Молчалина такой цели нет и быть не может: трезвым умом своим он понимает, что и малейших шансов на это он лишен. Да и дочь разоренного сановника (а уж Молчалину ли не знать всех фамусовских материальных невзгод!) — для него вовсе не перспективная партия. Увлеченные переживанием за «милльон терзаний» главного героя, читатели могут не оценить драматических перипетий карьерной драмы его «соперника». Но Молчалин в конечном счете успешно выпутывается из двусмысленной ситуации.

«Молчалин здесь особо показателен, значащая фамилия вовсе не случайна и не безразлична автору. По самому замыслу пьесы эта фигура контрастна Чацкому, как молчание и речь. В самом деле, в тексте, насчитывающем 2220 стихов, Молчалину принадлежит лишь 114, в большинстве

своем неполных — кратких реплик в одно–два слова, нераспространенных простых предложений, эллиптических конструкций. В первом действии, где всюду бушует Фамусов, взпуски врет Лиза, усиленно фантазирует Софья, напуганный, но осторожный “любовник” произносит всего 5 коротких реплик, выстроенных в монотематическую цепочку:

“Я-с”. — “Сейчас с прогулки”. — “Я слышал голос ваш”. — “С бумагами-с”. — “Я только нес их для доклада...”.

Доминантой в построении образа с начала до конца остается знаковый смысл имени (фамилии) персонажа. Молчалин действительно не речист: 26 строк во втором действии, 43 — в третьем (беседа с Чацким), 39 — в последнем. Общее количество знаменательных слов невелико, и притом отчетливо выявляется тема слова, речи, молчания и умолчания. Характерны эпизоды, в которых Молчалин присутствует, но не произносит ни одного слова. Самые развернутые высказывания его адресованы служанке — 10 стихов описания “прехитрых” косметических прелестей и 13 стихов откровений о безразличии к Софье и нежных чувствованиях к Лизе. Однако при такой речевой ограниченности Молчалин занимает одно из первых мест в идейном составе и сюжете “Горе от ума”. Кажется, что он все время присутствует на сцене — и это почти так, ибо образ Молчалина не выходит из сознания Чацкого и Софьи, его имя произносят и другие действующие лица. Это одна сторона дела. Другая заключается в том, что помимо Молчалина словесного (или — бессловесного) есть еще и образ, создаваемый пластически-жестовыми средствами художественного изображения, а также сюжетно-ситуационными и композиционными. Удивительная полнота и ясность прорисовки этого типа при лаконизме словесных средств как раз и достигнута безупречной техникой взаимодействия слова, жеста и приемов композиционного мастерства. Их единство сосредоточивается в функциях важнейшей словесно-телесной детали образа — руки Молчалина. Рука с рукой, неотрывный взгляд, прижимание руки к сердцу — этот немой язык Софья истолковывает как свидетельство переполненности души Молчалина любовью к ней. Так распознавать и объяснять жесты научила барышню сентиментальная литература — ее современница <...>. Сюжетно-композиционную роль в интриге рука Молчалина не ограничивается. Она не устает “ваять” характер. Мы видим и чувствуем ее движения не только тогда, когда это слово читаем в тексте. Помимо жестов, о которых так трепетно высказывалась Софья, есть еще и манипуляции с флейтой, создающие мелодический рисунок любовного согласия. Эта песня без слов так же лицемерно-притворна, как и безмолвная игра руки с рукой. Мы видим руку Молчалина, списывающую в тетрадь “новенькие песенки”, уверенно исправляющую “противуречья” в канцелярских документах, “втирающую в пору” карточку, устанавливающую маятниковое равновесие между делом и не делом в привычном качании “к перу от карт и к картам от пера”. Эта рука наслаждается шелковой шерсткой шпица и дарит собачке свою обдуманную ласку. Она вообще умеет и любит прикасаться, оглаживать, ощупывать — ощущая, познавая, оценивая и приручая. Соблазнительные описания подарков, заблаговременно собранных для Лизы, вдохновенно-убедительны, зримо представимы именно потому, что чувство, с которым они предлагаются, испытано самим Молчалиным как ощущение. Подробности “туалета” не только рассмотрены, но и ощупаны: “прорези”, “позолота”, “подушечки”, “игольничек”, “ножники” — ласкательные суффиксы подсказаны и глазом, и рукой. Созерцая “вещицы”, Молчалин как бы сотворял их, вместе с парфюмером растирая жемчужинки в белила и укупоривая в сткляночки резеду и жасмин, предвкушая, как приятны они будут “веселому и живому созданию” и как этот случай “угождения без изытия” будет сладостно вознагражден <...>. Бессловесность, о которой едко высказывается Чацкий, не сугубо индивидуальная черта, не свойство психики одного человека, не каприз, а социальный заказ власти, уже сформировавшей тип социального поведения, нужный этой власти, этому обществу, и уже приспособившийся к ним» (Л. А. Степанов).

Грибоедовым пронизательно намечена не только собственно сценическая (довольно сложная) роль Молчалина, но и его перспективная социальная роль. Классическая русская литература всесторонне исследовала молчалинский тип в различных исторических условиях. Тенденция к исторической перспективе типа Молчалина намечается уже в отзыве о нем Гоголя:

«Молчалин <...> замечательный тип. Метко схвачено это лицо, безмолвное, покамест тихомолком пробирающееся в люди, но в котором, по словам Чацкого, готовится будущий Заго-

рецкий <...> лгун, плут, но в то же время мастер угодить всякому сколько-нибудь значительному лицу <...> готовый, в случае надобности, сделаться патриотом и ратоборцем нравственности...».

В судьбе гоголевского Чичикова эти потенциальные качества молчалинского типа получили художественное воплощение. Исходные заветы у Чичикова те же самые:

«Смотри же, Павлуша <...> больше всего угождай учителям и начальникам. Коли будешь угождать начальнику, то, хоть в науке не успеешь и таланту бог не дал, все пойдешь в ход и всех опередишь...»

И первый, самый трудный свой порог в жизни Чичиков преодолевает почти помолчалински, рассыпав любезности «в угодность дочери такого человека, который кормит и поит, а иногда и чином подарит». Однако не на путях чиновничьего благополучия настоящее призвание Чичикова: у него новый бог, и бог этот — копейка. И потому молчалинство — лишь его молодость, русская жизнь вырабатывала в Чичикове новый тип.

Так, в романе Тургенева «Рудин» духовным наследником Молчалина является приживала Пандалевский:

Он «воспитывался где-то в Белоруссии, на счет благодетельной и богатой вдовы. Другая вдова определила его на службу. Вообще дамы средних лет охотно покровительствовали Константину Диомидычу. Он и теперь жил у богатой помещицы, Дарьи Михайловны Ласунской, в качестве приемыша или нахлебника. Он был весьма ласков, услужлив и втайне сластолюбив, обладал приятным голосом, порядочно играл на фортепьяно и имел привычку, когда говорил с кем-нибудь, так и впиваться в него глазами...»

В русской литературе прослежено и исполнение пророчества Чацкого: «он дойдет до степеней известных». Таков герой романа Гончарова «Обрыв», чиновник Аяков:

«...Строевую жизнь прошел хорошо, протерши лямку около 15 лет в канцеляриях, в должности исполнителя чужих проектов. Он тонко угадывал мысль начальника, разделял его взгляды на дело и ловко излагал на бумаге разные проекты <...>. Менялся начальник, а с ним и взгляд на проект: Аяков работал так же ловко и умно и с новым начальником, над новым проектом — и докладные записки его нравились всем министрам, при которых он служил <...>. Повыситься из статских в действительные статские, а под конец, за долговременную и полезную службу и “неусыпные труды”, как по службе, так и в картах, — в тайные советники, и бросить якорь в порте, в какой-нибудь нетленной комиссии или в комитете, с сохранением окладов, — а там волнуйся себе человеческий океан, меняйся век, лети в пучину судьба народов, царств, — все пролетит мимо его, пока апоплексический или другой удар не остановит течение его жизни».

Столь же «величественен» и герой комедии Островского «Доходное место» Юсов, дошедший также до «степеней известных», но на вершине служебной деятельности столкнувшийся с «новым Чацким», с Жадовым. Поразительную личину носит новейший Молчалин 1870-х годов в комедии-памфлете Островского «На всякого мудреца довольно простоты», в которой необычайно сильна грибоедовская традиция. От лица «века нынешнего» в комедии выступают Городулин, Голутвин, Глумов. По грибоедовскому паспорту Городулин не кто иной, как Репетилов («Шумим, братец, шумим!»), а Голутвин — Загорецкий («При нем остерегись: переносить горазд»). Глумов же, в глубине души считая себя Чацким, добровольно занимает место Молчалина. Часто Глумов прямо говорит словами Молчалина. Однако это всего лишь его уловка, в мыслях своих он сохраняет иное мнение о себе, всегда готов заклеить того же Молчалина, предстать пылким Чацким. Глумов нередко толковался (особенно на сцене) как «падший Чацкий». Такое толкование на первый взгляд поддерживается текстом пьесы. Кем-то вроде Чацкого представляется он вначале («Что я делал до сих пор? Я только злился и писал эпиграммы на всю Москву...»), чуть ли не гневным Чацким он и сходит со сцены. Это его любимая поза. Но именно поза — не более того. Логика его характера такова, что, будучи «гением» в своем роде — «гением» приспособленчества, — он не мог претендовать на ведущую историческую роль. Сам Глумов этого не осознает. В «Бешеных деньгах» он по-прежнему

тщится «сыграть комедию» с окружающими. Однако по сравнению с тем, каким мы видели его в предыдущей пьесе, Глумов потускнел во всех отношениях. Он уже не мечтает о важной государственной должности, не ведет дневника (только записную книжку, в которую заносит разные полезные сведения), эпиграммы его довольно грязного свойства, а конец его — в роли «интимного секретаря» у «одной пожилой дамы» — это то, над чем он когда-то глумился, «обольщая» Мамаеву.

Достоевский писал:

«Особый цинизм — особое дьявольство Молчалина в его умении безукоризненно притвориться святым. Он именно антихрист».

«Москва всем этим господам надоела. Одного Молчалина нет: он распорядился иначе и остался дома, он один только и остался дома. Он посвятил себя отечеству, так сказать, родине <...>. Теперь до него и рукой не достанешь; Фамусова он и в переднюю теперь к себе не пустит: “деревенские, дескать, соседи, в городе с ними не кланяются”. Он при делах, и нашел себе дело. “Он знает Русь, и Русь его знает”. Да, уж его-то крепко знают и долго не забудут. Он даже и не молчит теперь, напротив, только он и говорит. Ему и книги в руки...»

Об этом говорится в «Дневнике писателя» за 1876 год:

«Недавно как-то мне случилось говорить с одним из наших писателей (большим художником) о комизме в жизни, о трудности определить явление, назвать его настоящим словом. Я именно заметил ему перед этим, что я, чуть не сорок лет знающий «Горе от ума», только в этом году понял как следует один из самых ярких типов этой комедии, Молчалина, и понял, именно когда он же, т. е. этот самый писатель, с которым я говорил, разъяснил мне Молчалина, вдруг выведя его в одном из своих сатирических очерков (об Молчалине я еще когда-нибудь поговорю, тема знатная)...»

Здесь имеется в виду глубочайшее исследование социальной психологии Молчалиных, которое предпринял Салтыков-Щедрин. Тип этот всесторонне раскрыт в специальном щедринском цикле «Господа Молчалины». Путь Молчалина к жизненному успеху невозможен без приспособления к «нужному субъекту», который и «введет его в область умеренности и аккуратности». Нахождение этого «субъекта» составляет важную жизненную задачу, а приспособление его к своим нуждам — сложный, длительный, всегда на грани срыва процесс. Молчалин обретает покровительство «субъекта», пройдя путь унижений и получая удары. Больше того, только при условии, что Молчалин «поступается своим образом и подобием Божиим», только принимая предупредительные меры, он может стать «счастливым», то есть похожим «на Молчалина, с честью выдержавшего свой длинный мартиролог и с помощью его завоевавшего себе: в настоящем — тепло и сытость, в будущем — безответственность перед судом истории». По щедринской классификации Молчалины представляют собой самый низший сорт «пестрых людей», то есть людей, добровольно искоренивших в себе всякое личностное начало в угоду «сильным мира сего»:

«Грибоедов воспроизвел этот тип в своем бессмертном Молчалине. Это человек, в пленках познавший натиск судьбы и потому готовый отдать себя в рабство кому угодно и куда угодно, готовый поклониться истинному богу и пустому идолу, не имея ни способности, ни навыка проникать в сущность вещей. Одно качество, которое до известной степени смягчает его суетливую готовность, — это отсутствие злонамеренности. Все в деятельности этих людей запечатлено неразумием и твердой решимостью удержать за собой тот нищенский кусок, который им выбросила судьба. Это недоразумение, эта прирожденная неосознанная приниженность спасает их от проклятий... Этим людям никогда не приходит в голову, что дети их могут ужаснуться той обстановки и тех разговоров, среди которых они выросли. Вообще никакого представления о той грызущей семейной боли, которая сторожит их впереди, они не имеют. Идут без ясно определенной цели до тех пор, пока боль сама не подкрадется и не заставит изойти кровью сердца их... В сущности, это прирожденные жертвы общественного темперамента. Общество искони воспитало в себе особую среду и заранее обрекло ее <...> в качестве рабов, они несут только иго

апостазии, не пользуясь ее осязаемыми благами. В награду за эту отрицательную заслугу суд истории пройдет о них молчанием».

В Борисе Друбецком из романа Толстого «Война и мир» Д. Писарев угадал «великосветского Молчалина», который «легко и быстро доберется до таких известных степеней, до которых никогда не доползет простой Молчалин, простодушно подличающий и трепещущий перед начальником и смиренно наживающий себе раннюю сутуловатость за канцелярскими бумагами. Действительно, в ранних вариантах романа Друбецкой был напрямую сближен с Молчалиным. Ср.:

«У Бориса всё, от постели, сапог, до кошелька, чистоты ногтей и звящего, несломанного замка с секретом шкатулки отзывалось умеренностью и порядочностью».